

Елена Михалкова

Мужская логика 8-го Марта

Часть сборника
Crime story № 8 (сборник)

Елена Михалкова

Мужская логика 8-го Марта

«ЭКСМО»

2008

Михалкова Е. И.

Мужская логика 8-го Марта / Е. И. Михалкова — «Эксмо»,
2008 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина)

ISBN 978-5-457-10709-0

«На входную дверь повесили колокольчик, и, когда очередной сотрудник фирмы «Вересаев и компания» заходил в здание, колокольчик тот звонил тоненько и нежно. Сначала входящий слышал звон, затем попадал в настоящий цветник — по всему вестибюлю расставили хризантемы в прозрачных вазах, — и напоследок его приветствовала секретарша Анжелика, которая сама была, словно букет и колокольчик...»

ISBN 978-5-457-10709-0

© Михалкова Е. И., 2008

© Эксмо, 2008

Елена Михалкова

Мужская логика 8-го Марта

На входную дверь повесили колокольчик, и, когда очередной сотрудник фирмы «Вересаев и компания» заходил в здание, колокольчик тот звонил тоненько и нежно. Сначала входящий слышал звон, затем попадал в настоящий цветник – по всему вестибюлю расставили хризантемы в прозрачных вазах, – и напоследок его приветствовала секретарша Анжелика, которая сама была, словно букет и колокольчик.

– Доброе утро! – мелодично здоровалась Анжелика, отмечая про себя, кто из дам сделал новый макияж, кто – прическу... – Здравствуйте, Макар Андреевич! Ой, как приятно, Анатолий Иванович! Спасибо, спасибо...

И все вместе – колокольчик, цветы в комнатах и коридорах, очаровательная Анжелика, мило краснеющая от комплиментов, – настраивало сотрудников на радостный, праздничный лад, как и задумывал Степан Степанович Вересаев. А его подчиненные прекрасно знали, что для шефа есть только два важных корпоративных праздника – Новый год и Восьмое марта, и всячески старались соответствовать ожиданиям начальства. Впрочем, делать больших усилий не приходилось даже тем, кто не любил Международный женский день, поскольку праздник всегда проходил весело – с подарками, традиционным вечерним банкетом – и притом легко и необременительно. Консалтинговая фирма «Вересаев и компания» была небольшой – в ней работало около двадцати пяти человек, – и демократичный стиль общения, выработавшийся в компании за восемь лет ее существования, не допускал длинных занудных тостов за столом, банальных подарков дамам вроде туалетного набора из пяти кусков душистого мыла, скуки за салатами оливье и традиционных пожеланий женщинам «цвести и пахнуть, как это мыло».

Людочка Ерофеева, за глаза частенько называемая Рюшка, впорхнула в кабинет.

– Привет, девочки!

«Девочки», уткнувшись в бумаги, отозвались нестройным хором: несмотря на размах праздника, день считался рабочим, и позволить себе «филонить» никто не мог. А потому на Людочку с ее новой укладкой – завитушки по всей голове, а со лба свисает увесистая баранья кудряшка – не обратили того внимания, на которое она рассчитывала.

– Ну девочки... – жалобно протянула Людочка. – Я старалась, причепурилась...

– Начепурилась, а не причепурилась. – Пожилая Инга Андреевна не упускала случая ткнуть Людочку носом в какую-нибудь ошибку.

Самой Инге Репьевой, даме суровой, как гинеколог с тридцатилетним стажем, и в голову не пришло бы украшать себя так, как любила Ерофеева: на юбке – сплошные рюши, под горлышком шелковой голубой блузки – огромный бант, и ко всему прочему кудряшки на голове. Безвкусица, одним словом. Инга Андреевна бросила короткий взгляд на свое отражение в оконном стекле и дернула уголком рта, что означало у нее полное довольство своей внешностью. Серебристый брючный костюм, строгая блуза, на голове прическа – короткое светлое каре... Единственным намеком на праздник был золотой браслет – витой, тяжелый.

– А мне нравится «причепурилась», – задорно возразила Людочка, – так моя бабушка говорила!

– Ваша бабушка, судя по вашим воспоминаниям, еще говорила «покладу», – покосившись на Рюшку из-под очков, напомнила Инга. – Надеюсь, вы не собираетесь насилловать наш слух этим словом?

Оля Земко не сдержалась и фыркнула, заслужив укоризненный взгляд от Людочки, недоуменный – от Инги и насмешливый – от Маргариты Анатольевны. Всем троим Оля

ответила широкой улыбкой, так как прекрасно знала: и язвительное ворчание Репьевой, и видимая обида Людочки – лишь ритуал, регулярно повторяющийся в различных вариациях.

– Банкет начнется в четыре, – сказала Оля. – Анжелика говорит: Рекуров заказал какой-то немыслимый торт. Эх, а мне нельзя!

Она с сожалением погладила себя по животу и подтянула брюки. Брюки были удобными, купленными в специальном магазине для беременных, но живот рос, как на дрожжах, и резинка время от времени съезжала с пояса (назвать это место талией у Оли не поворачивался язык).

Людочка хихикнула – не потому, что Земко сказала что-то смешное, а потому, что хихиканье было обычной реакцией Ерофеевой на любую фразу. Инга Андреевна поморщилась: она считала детей существами сродни гусеницам, то есть противными и в массе своей вредными, а прямые упоминания о беременности – неприличными. Беременность тридцатилетней Оли Земко вызывала у нее раздражение, но Репьева, как воспитанный человек, скрывала его. Во всяком случае, думала, что скрывает.

– Съешь кусочек и не бери в голову, – посоветовала Маргарита Анатольевна. – Ничего с тобой не случится.

– Все современные торты – сплошная химия, – словно между делом буркнула Инга Андреевна. – Вы, Маргарита Анатольевна, посоветовали, не думая, а Ольге Сергеевне потом ребенка лечить от диатеза.

– У меня, Инга Андреевна, в лечении детей от диатезов опыт все же побольше, чем у вас, – невозмутимо парировала Безинская. – Поэтому кто из нас говорит, не думая, – большой вопрос.

Дамы метнули друг в друга любезные взгляды, и Оле Земко показалось, что документы на столе между ними задымились. Однако Репьева не рискнула продолжать беседу и углубилась в договор. Оля ее понимала: Маргарита Анатольевна Безинская была женщиной незаурядной, и вступать с ней в полемику осмеливался не каждый. Высокая шатенка европейского вида, стильная сорокатрехлетняя Безинская выглядела лет на тридцать пять, но никогда не скрывала ни реальный возраст, ни то, что своей внешностью обязана не только природе, но и хорошим косметологам. Она была женственна, умна от природы, умела производить впечатление как исключительно воспитанной особы, так и очень вульгарной, но и за крепким словом в карман не лезла, и обладала страстью к коллекционированию мужей.

Мужей у Маргариты Анатольевны было четыре, и все – бывшие. Каждого из них она нашла, когда потенциальные мужья зарабатывали на жизнь несложным физическим трудом с незначительными вкраплениями умственного, и только последний на момент их встречи трудился учителем в школе. Попав в нежные руки Безинской, мужья начинали проявлять такие качества, каких никто от них не ожидал, в частности, деловую смекалку. С подачи жены каждый из них либо уходил в бизнес, либо пробивался на выбранной стезе, как, например, последний супруг, в результате их брака возглавивший частную школу.

Добившись от мужей успеха, Маргарита Анатольевна теряла к ним интерес, оставляла их на гребне карьеры, а сама уходила в «свободный полет». С бывшими супругами она сохраняла хорошие дружеские отношения, а свою единственную дочь, пятнадцатилетнюю Аллу, рожденную от второго мужа – изначально бригадира в ЖЭУ, затем – директора сети цветочных магазинов, – Безинская растила в любви и строгости.

– Маргарита Анатольевна четырех мужиков вывела в люди! – восхищенно отзывалась о Безинской уборщица. – Вот это женщина, вот это я понимаю!

Сила обаяния Безинской была такова, что даже безобидный толстенький Толя Горошин, счастливо женатый лет двадцать, на новогодней вечеринке, выпив лишний бокал шампанского, принялся ухаживать за Маргаритой Анатольевной, чем тронул ее до глубины души. Обычно с мужчинами Безинская не церемонилась, но Толю пожалела и отшути-

лась, сказав, что врожденные комплексы не позволяют ей встречаться с мужчинами ниже ее ростом.

Сегодня Безинская была в сером облегающем трикотажном платье. «На мне оно смотрелось бы как на арбузе», – подумала Оля Земко, разглядывая стройный силуэт Маргариты Анатольевны. «Простенько как-то. Незамысловато», – критично оценила коллегу Людочка Ерофеева. «Кого собралась совращать, милочка? – хмыкнула про себя Инга Андреевна. – У нас дворников не водится...»

Дверь распахнулась, и в комнату аудиторов ввалился, споткнувшись на пороге, Анатолий Иванович Горошин, которого называли Толей, или, ласково, за глаза, Горошком. Анатолий Иванович был единственным мужчиной в женской компании кабинета номер пять, причем опекаемым всеми дамами. Он был услужлив, до смешного галантен и неуклюж. Горошин носил круглые очки, которые с завидным постоянством терял, и тогда вся фирма стояла на ушах, потому что без очков Анатолий Иванович становился незащищен, как кролик на дороге. Даже суровая Инга Андреевна в таких случаях подключалась к поискам. Восемнадцатилетний Макар Илюшин, помощник юристов, называл суматоху вокруг очков Горошина коллективным помешательством, однако сам несколько раз находил очки-окуляры в таких местах, что окружающие только диву давались, как они туда попали. Три недели назад Макар отыскал их в цветочном горшке с фикусом. После этого возмущенная общественность пригрозила Горошину, что заставит его носить линзы, и испуганный Толя стал внимательнее следить за своими очками.

Жизнь кабинета номер пять развлекала всю фирму, поскольку о каждом из его обитателей можно было вволю посплетничать. К тому же отношения между дамами были далеки от дружеских, несмотря на видимость нейтралитета, и группу аудиторов не раз называли серпентарием, сочувствуя Анатолию Ивановичу.

Однако любой сотрудник консалтинговой фирмы «Вересаев и компания» знал, что в кабинете номер пять сидят отличные аудиторы. И недалекая Людочка, и загадочная Маргарита Анатольевна, и веселая Оля Земко, и язвительная старуха Инга, и вечно спотыкающийся Горошин – каждый из них был профессионалом, которого Вересаев ценил и оберегал. Макар Илюшин не раз удивлялся, особенно глядя на Людочку с ее бантиками-оборочками, беспрестанно подхихкивающую и говорящую глупости. Он так и не смог разобраться, прикидывается Ерофеева дурачком или нет, но если Людочка и притворялась, то весьма талантливо.

– С праздником! – торжественно провозгласил Горошин. – Какая красота внизу... А я сегодня собираюсь подарок Вере Михайловне купить.

– Да, ведь у вашей жены сегодня день рождения! – вспомнила Оля Земко. – Какой подарок выбрали, Анатолий Иванович?

– Не просто день рождения, а юбилей! Очень красивую вещь я ей присмотрел, – застенчиво улыбнулся он. – После обеда куплю.

– А нам покажете? – капризно спросила Людочка.

– Обязательно, Люда, обязательно! Как же я без вашего мнения? Никак, право слово, совершенно никак.

Он снова улыбнулся, помялся возле стола, достал бумаги из портфеля и усердно принялся за работу. Однако через пять минут в дверь постучали, и в приоткрывшейся щели показалась вихрастая белобрысая голова Макара Илюшина.

– Анатолий Иванович, доброе утро! Вы меня искали?

– Искал, Макар, искал, – засуетился Горошин. – Куда же я ее... – Он принялся рыться в портфеле, беспорядочно выдвигать ящики стола, потом снова окунулся в портфель. – Ага, вот она!

С довольным видом Анатолий Иванович достал серую потрепанную книжку и протянул Илюшину.

– Здесь те рассказы, которых вы не читали.

– Честертон? – вздернула брови Инга. – Чтиво?

– Что вы, Инга Андреевна! – обиделся Макар. – Честертон – не чтиво, а детективная литература.

На лице Репьевой явственно отразилось, что она думает о детективной литературе вообще и о Честертоне, в частности.

– Да-да, – поддержал парня Горошин. – Зря вы недооцениваете этого писателя. Мы с Макаром недавно беседовали за обедом о нем и пришли к выводу...

– Расскажите мне о своих выводах в другой раз, пожалуйста, – попросила Репьева. – У меня много дел.

– Конечно-конечно, – смутился Анатолий Иванович. – Я только хотел сказать, что не хуже Эдгара По... хотя куда более надуманно... как мне кажется...

Он окончательно смешался и виновато взглянул на Илюшина.

– Большое спасибо, – улыбнулся тот, забирая книгу. – Потом обсудим, хорошо?

– Обязательно! – горячо заверил его Анатолий Иванович. – Жду, когда вы прочтете.

– Хороший мальчик этот Макар, – мягко сказала Безинская, когда за Илюшиным закрылась дверь. – Славный и умный.

– Присматриваетесь? – не сдержалась Инга Андреевна.

Рюшка радостно хихикнула из своего угла.

– У него и без меня все получится, – пожала плечами Маргарита Анатольевна. – К тому же я предпочитаю брюнетов.

– Ну, значит, за мальчика мы можем быть спокойны, – удовлетворенно подвела итог Репьева и нежно улыбнулась Безинской.

Спустя час после окончания обеда Анатолий Иванович Горошин вернулся в офис. Когда он входил в кабинет, лицо у него было счастливое и одновременно чуточку встревоженное. Едва не споткнувшись на ровном месте, Горошин вышел на середину комнаты, заговорщически оглядел своих дам и театральным шепотом объявил:

– Купил!

Вид у него был такой возбужденный, что даже Инга Андреевна поняла, о чем речь.

– Подарок! – взвизгнула Людочка. – Ой, покажите, покажите, вдруг мы решим, что вашей жене он не понравится! Тогда мне подарите!

Окружив Горошина плотным кольцом, четыре женщины смотрели, как он достает из-за пазухи длинную бархатную коробочку. Анатолий Иванович открыл ее, и Людочка с Олей ахнули. На черном бархате лежало ожерелье из белого золота – переплетающиеся ветки, на которых поблескивали капли.

– Ну как? – встревоженно-обеспокоенно спросил Горошин.

– Очень красивое, – проговорила Безинская, проглотив замечание о том, что такое ожерелье подходит Вере Михайловне как корове седло.

– Бриллианты? – выдохнула Рюшка.

– Бриллианты, – вздохнул Горошин, разглядывавший ожерелье с не меньшим восхищением, чем женщины. – Весь годовой бонус на него ушел, да еще и то, что я с сентября откладывал из зарплаты. Но изящно, правда?

– Правда! – хором подтвердили три дамы, не сводя глаз с украшения. Одна промолчала.

– Жду не дождусь, пока банкет закончится, – признался Горошин. – Баловство, конечно, все эти ваши драгоценности, но так хочется жену порадовать! Сорок пять лет... Эх!

Он вздохнул о чем-то своем, вынул ожерелье из коробочки и, оглядевшись, взял со стола плотный бумажный конверт, в который и опустил сверкающую змейку.

– Зачем так? А как же коробочка? – удивилась Оля Земко.

– Не нравится она мне, – поморщился Анатолий Иванович. – Безвкусица, по-моему – бархат, черный... У меня дома уже припасен футляр, в него и переложу.

Он отвернулся и спрятал конверт с ожерельем в портфель. Дамы постояли, чувствуя себя немного обманутыми, а затем разошлись по местам.

Дверь снова распахнулась, и к аудиторам заглянула секретарша Анжелика.

– Девочки! – нараспев позвала она. – Только вам, по секрету: привезли торт! Вы себе не представляете... Двухэтажный, с башенкой наверху!

Оля Земко и Людочка живо вскочили с мест. Маргарита Анатольевна, поколебавшись, пошла за ними.

– Инга Андреевна, а вам неинтересно, что Вересаев заказал на этот раз? – спросил Горошин между делом.

Репьева высокомерно взглянула на него.

– Всю жизнь не была зевакой и не собираюсь начинать меняться, – отрезала она. – К тому же торт выставят на банкете, а уж увижу я его на два часа раньше или позже, роли не играет.

Анатолий Иванович согласно кивнул.

– С осени будут искать новую секретаршу? – спросил он спустя пару минут, не отрывая взгляда от документов.

– С чего вы взяли?

– Мне показалось, Анжелика Романовна... э-э-э... готовится стать мамой. Разве нет?

– Мамой? – переспросила Репьева, вызывая в памяти образ секретарши. – Вы хотите сказать...

Но Горошин уже погрузился в работу, и невысказанный вопрос Инги Андреевны, не от начальника ли понесла девица, не заметил. Подумав, Репьева поднялась с места.

– Пойду, пожалуй, пройдуся, – объяснила она, хотя в этом не было необходимости: Анатолий Иванович сосредоточенно перерывал бумаги.

– А? Да-да, – рассеянно отозвался он. – Конечно.

Инга Андреевна неторопливо вышла из кабинета и припустила на первый этаж, в банкетный зал, где дамы восторгались тортом.

После возвращения в кабинет ни о какой работе речи идти не могло: вид сказочного торта с розовым замком из творожного крема окончательно настроил всех на нерабочий, праздничный лад.

– Вересаев противный, – говорила Людочка, подкрашивая ресницы перед зеркалом. – Столько калорий! Я поправлюсь на два килограмма!

– В вашей фигуре, милая Люда, два килограмма ничего не изменят, – сообщила ей Инга Андреевна.

Ерофеева задумалась, как стоит ей расценивать слова старухи, и пришла к выводу, что это комплимент ее фигуре.

– Да, я в маму хорошо сложена, – согласилась она. – Ой, Маргарита Анатольевна, у вас новая помада!

– Анатолий Иванович, а вы все работаете? – участливо спросила Оля Земко у толстячка, склонившегося над грудой бумаг. – А у нас уже одни помады и наряды в голове.

– Это правильно, Оленька, так и должно быть, – отозвался Горошин, протирая очки и быстро моргая слезящимися глазами. – А я просто старый перестраховщик. У клиентов возникли проблемы по прошлым периодам... За две тысячи четвертый год. А я как чувство-

вал, что будет там засада, в этом две тысячи четвертом, будет! Теперь перепроверяю все по пять раз.

– Да отдохните вы, Анатолий Иванович, расслабьтесь! – Людочка покрутила кудряшку на голове и радужно улыбнулась: завиток был такой же тугой, как и утром. – Между прочим, вы знаете, что нас скоро будут расширять? Говорят, Вересаев хочет еще двух аудиторов взять и начальника отдела назначить. Маргарита Анатольевна, так что у вас за помада?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.